

НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ ОБЩЕНИЕ И РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЛЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Бадягин И. А., Владивосток (Россия)

Аннотация. В статье предпринят теоретический синтез двух концептуальных моделей – ненасильственного общения (ННО) Маршалла Розенберга и теории речевой агрессии в политической коммуникации. Раскрыты базовые компоненты ННО и противоположенные им паттерны «отчуждающего от жизни общения»: моралистические суждения, сравнения, отрицание ответственности и ультимативные требования. Систематизированы основные теоретические подходы к изучению речевой агрессии; выделены эксплицитные и имплицитные тактики, а также их прагматические функции – легитимирующая, мобилизационная, делегитимирующая и функция символической эскалации. Показано, что паттерны «отчуждающего общения» при операционализации могут служить диагностическими маркерами речевой агрессии в дипломатическом дискурсе. Обоснована эвристическая ценность интегративного подхода для анализа современных международных конфликтов и публичных выступлений на площадках, номинально ориентированных на мирное урегулирование.

Ключевые слова: ненасильственное общение, речевая агрессия, политология, конфликт, коммуникация, конфликтология

NONVIOLENT COMMUNICATION AND VERBAL AGGRESSION IN POLITICAL DISCOURSE: A THEORETICAL STUDY FOR CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS

Badyagin I. A., Vladivostok (Russia)

Abstract. The article undertakes a theoretical synthesis of two conceptual frameworks – Marshall Rosenberg's model of nonviolent communication (NVC) and the theory of verbal aggression in political communication. The basic components of NVC and the opposing patterns of "life-alienating communication" – moralistic judgments, comparisons, denial of responsibility, and ultimatum demands – are revealed. The main theoretical approaches to the study of verbal aggression are systematized; explicit and implicit tactics are identified, along with their pragmatic functions: legitimizing, mobilizing, delegitimizing, and the function of symbolic escalation. It is demonstrated that, when operationalized, the patterns of "life-alienating communication" can serve as diagnostic markers of verbal aggression in diplomatic discourse. The heuristic value of the

integrative approach for analyzing contemporary international conflicts and public speeches at venues nominally oriented towards peaceful settlement is substantiated.

Keywords: *nonviolent communication, verbal aggression, political science, conflict, communication, conflictology*

Современная система международных отношений переживает острый кризис диалога. Всё чаще публичная риторика официальных лиц, даже на ключевых миротворческих площадках, таких как Организация Объединённых Наций, характеризуется высокой степенью вербальной враждебности. Формальные призывы к миру и сотрудничеству нередко соседствуют с прямыми обвинениями, ультимативными требованиями и манихейским разделением мира на «силы добра» и «силы зла». Это актуализирует задачу разработки надёжного аналитического инструментария, способного выявлять и классифицировать скрытые формы речевой агрессии, замаскированные лексикой мирного урегулирования.

Цель статьи – представить теоретический синтез модели ненасильственного общения (ННО) Маршалла Розенберга и теории речевой агрессии (И. А. Стернин, Е. И. Шейгал) как методической основы для конфликтологического анализа современного политического дискурса.

Модель ненасильственного общения, разработанная Маршаллом Розенбергом, вырастает из трёх философско-психологических традиций: гуманистической психологии Карла Роджерса, философии ненасилия Махатмы Ганди и антропологических представлений об универсальности человеческих потребностей. Её центром выступает идея, что конфликты порождаются не самими потребностями (которые у всех людей схожи и носят позитивный характер), а деструктивными стратегиями их удовлетворения, передаваемыми через язык «отчуждающего от жизни общения».

Операциональным ядром модели служит система из четырёх аналитических компонентов:

Наблюдение – умение отделять факты от оценок. В идеале говорящий описывает конкретные, наблюдаемые действия, не нагружая их генерализациями и оценочными суждениями. В политической речи, напротив, часто происходит подмена эмпирических фактов их морально-политической квалификацией, что закрывает возможность беспристрастного анализа.

Чувства – аутентичные эмоции, вызванные наблюдением. Принцип ННО требует различать вербализацию подлинного эмоционального состояния и высказывания, которые лишь

мимикрируют под язык чувств, а на деле являются скрытыми обвинениями («я чувствую, что вы нас предали»). Для дипломатической среды характерно манипулятивное использование коллективных эмоций – страха, гнева, возмущения – для консолидации аудитории.

Потребности – глубинные причины чувств. Согласно ННО, конструктивный диалог возможен лишь тогда, когда стороны признают и артикулируют потребности друг друга (в безопасности, автономии, уважении), а не перекладывают ответственность за свои эмоциональные состояния на оппонента.

Просьбы – конкретные, реалистичные и не ультимативные предложения о действиях, выполнение или невыполнение которых не влечёт санкций. В политической коммуникации, особенно в условиях конфликта, просьбы почти полностью вытесняются требованиями и приказами.

Прямой противоположностью ННО Маршалл Розенберг выделил «отчуждающее от жизни общение», организуемое вокруг четырёх ключевых паттернов:

Моралистические суждения – навешивание ярлыков, классифицирующих оппонента как носителя абсолютного зла (агрессор, варвар, нелегитимный режим). Такой дискурс отдаляет стороны от эмпатичного диалога, провоцируя лишь ответное осуждение и эскалацию.

Сравнения – как прямые негативные исторические аналогии (уподобление оппонента нацизму или апартеиду), так и структурное противопоставление «цивилизованного мира» «варварству», которое делит реальность на чёрное и белое и аннулирует легитимность мотивов другой стороны.

Отрицание ответственности – языковые конструкции, снимающие агентность с говорящего: пассивный залог, безличные предложения, апелляции к «исторической необходимости» или «обстоятельствам». Это способ выстраивания образа вынужденной жертвы, чьи действия якобы лишены альтернатив.

Требования в форме ультиматумов – формулировки, не допускающие обсуждения и подразумевающие наказание за невыполнение. Они подменяют конструктивные просьбы, тем самым полностью блокируя диалог.

Таким образом, модель ННО предлагает детализированную систему критериев для диагностики того, насколько конкретный речевой акт удалён от принципов эмпатической коммуникации.

В российской лингвистической и политико-психологической традиции речевая агрессия понимается как осознанное коммуникативное действие, использующее языковые средства для выражения враждебности и нанесения ущерба статусу или достоинству адресата. Однако для анализа международной дипломатии требуется более широкое – инструментальное – толкование. В концепции Е.И. Шейгал речевая агрессия предстаёт как легитимная в рамках конкретного идеологического поля технология политической борьбы. Она служит средством конструирования образа врага, установления символической гегемонии и легитимации собственной власти через дискредитацию оппонента.

Принципиально важным является разграничение двух форм агрессии – эксплицитной и имплицитной. Эксплицитная агрессия включает прямые оскорбления, стигматизирующие номинации (государство-изгой, неонацистский режим), открытые обвинения в военных преступлениях, геноциде или агрессии, а также прямые угрозы (введение санкций, «последствия», «решительный ответ»). Хотя она иногда встречается в официальных заявлениях, формальные нормы дипломатического протокола чаще вытесняют её на второй план.

Господствующей же в пространстве многосторонних институтов оказывается имплицитная агрессия. Её тактический репертуар включает:

Негативные исторические аналогии – уподобление политики оппонента одиозным явлениям прошлого, что мгновенно активизирует в сознании аудитории готовые фреймы осуждения.

Риторические вопросы-обвинения – псевдовопросы, функционально усиливающие скрытый обвинительный тезис («Сколько можно мириться с подобным?»).

Манихейская риторика – конструирование конфликта как схватки сил света и тьмы, цивилизации и варварства, справедливости и несправедливости. Эта тактика лишает ситуацию сложности и многомерности, идеологически блокируя компромисс.

Дискурсивное исключение (десубъективация) – отказ признавать за оппонентом право на голос и законные интересы. Реализуется через обороты «так называемые», «определённые круги», «внешние игроки», пассивные конструкции и обезличенные обвинения.

Эти тактики складываются в системную стратегию, выполняющую несколько ключевых прагматических функций:

Мобилизационно-консолидирующая – сплочение внутренней аудитории перед лицом сконструированной внешней угрозы.

Делегитимизирующая – лишение оппонента морального права быть равноправным субъектом переговоров, а его действий – какого-либо рационального основания.

Функция символической эскалации и сдерживания – демонстрация решимости и обозначение «красных линий» без перехода к прямому физическому конфликту.

Легитимирующая (оправдательная) – предварительное создание символического фундамента для будущих принудительных действий, представляемых как вынужденный и справедливый ответ на изначально злонамеренное поведение другой стороны.

В свете приведённых категорий речевая агрессия в политической сфере представляется скорее рационально выстроенным коммуникативным инструментом, обслуживающим задачи политической борьбы, а не эмоционально вызванной внезапной реакцией.

Сопоставление двух изложенных концептуальных моделей обнаруживает возможность их взаимного дополнения. Модель ННО предлагает нормативные границы, позволяющие чётко идентифицировать, какой именно компонент конструктивного общения был нарушен. Каждый из паттернов «отчуждающего общения» может быть операционализирован как категория для контент-анализа. В свою очередь, теория речевой агрессии снабжает эту нормативную модель теоретическим наполнением: она отвечает на вопрос, почему паттерны «отчуждающего общения» настолько устойчивы и широко распространены даже на тех площадках, чей мандат прямо противоположен целям конфронтации. Они устойчивы, потому что выполняют стратегические политические функции. Риторика, формально осуждающая агрессию, может одновременно воспроизводить паттерны отчуждающего общения именно для того, чтобы легитимировать собственные позиции и делегитимировать оппонента. Таким образом, мирная лексика зачастую используется как альтернатива агрессии, как инструмент символического прикрытия.

Интеграция этих подходов открывает возможность для разработки эмпирически обоснованных программ мониторинга публичных выступлений, а также для создания образовательных модулей, направленных на формирование у дипломатов и переговорщиков навыков эмпатической, неконфронтационной коммуникации. В конечном счёте, понимание того, как именно и с какими целями используется язык вражды, замаскированный под риторику мира, является первым шагом к сознательному отказу от подобных практик и постепенному превращению ненасильственного

общения из исключительного примера в новую норму международного диалога.

Литература

1. Балахонская Л. В. Социально-философские основы исследования агрессии в обществе // Философия права. 2013. №1 (56).
2. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 318 с.
3. Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 257-263.
4. Ганди М. К. Моя вера в ненасилие // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 124–129.
5. Розенберг М. Б. Язык жизни. Ненасильственное общение. М.: София, 2020. 288 с.
6. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004. 324 с.

МУТАЦИИ МЕЖГЕНДЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Барановский В. А., Минск (Беларусь)

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация. Развитие современных инोकультурных форм межличностной коммуникации и взаимодействия стимулировало актуализацию демографических проблем совместного восприятия мужчинами женщинами и женщинами мужчинами и, следовательно, межполовых конфликтов, которые злокачественно влияют на демографическое развитие социокультурной системы. В статье рассматриваются основные проблемы идеологической и физиологической индивидуализации, реконструирован алгоритм увеличения ценностно-поведенческого расстояния между мужчинами и женщинами в контексте экономико-демографического «осушения» целевой группы, определена связь мутаций межгендерной коммуникации с геополитическими закономерностями.

Ключевые слова: межгендерная коммуникация, физиологическая индивидуализация, идеологическая индивидуализация, демографическое «осушение», геополитические закономерности